

Прогноз русской победы. Переслегин, Чадаев, Уралов

Подкаст Алексея Чадаева, Семёна Уралова

Гость выпуска — прогнозист, физик, военный историк, исследователь, теоретик фантастики Сергей Переслегин

Youtube

VK

Видео на тг-канале Семёна Уралова

Аудио на тг-канале Семёна Уралова

Аудио VK

Аудио ЧП-108 на podster.fm

Дата выпуска: 5 ноября 2026

Иван Князев. Дорогие друзья, рад всех приветствовать. С вами подкаст «Чистота понимания». Я напомню, что это площадка, где мы глубоко и подробно обсуждаем самые интересные, иногда самые острые темы с самыми интересными экспертами нашей страны и всего мира и добиваемся чистоты понимания самых разных событий и явлений. Это площадка для умных и образованных людей. «Чистоту понимания» найти можно в VK, в RuTube, в YouTube. Позвольте представить наших постоянных ведущих. Алексей Чадаев, политолог, журналист.

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. Семён Уралов, политолог, журналист, писатель.

Семён Уралов. На посту.

ИК. Друзья, не забудьте поставить лайк этому выпуску. Это важно для продвижения «Чистоты понимания». В гостях у нас сегодня Сергей Борисович Переслегин. Здравствуйте.

Сергей Переслегин. Здравствуйте.

ИК. Сергей Борисович — писатель, литературный критик, прогностик. Это важно, потому что сегодня будем пытаться предсказывать будущее. В хорошем смысле этого слова. В серьёзном смысле. Потому что будущее всегда все пытаются предсказать. Это особенность человека и человечества. Экономисты строят свои модели, военные просчитывают сценарии, политики говорят о стратегиях. Футурологи пишут, говорят, выстраивают тренды, прогнозируют. Но история каждый раз показывает, что самые важные изменения часто приходят откуда-то, откуда их совсем не ждали. Возможно ли прогнозировать будущее, не угадывать отдельные события, а понимать направление движения мира в целом? Какие инструменты для этого

работают, или эти инструменты лишь создают иллюзию знания? Может быть, один из самых точных способов увидеть то, чего ещё нет, — это научная фантастика. Ведь фантаст, по сути, создаёт не прогноз, а формирует (Алексей не любит это слово) образ будущего. Технологии. Как общество будет развиваться, как оно устроено, что будет с человеком, какие конфликты будут, какая этика, новые правила жизни и т. д.? Почему одни прогнозы становятся реальностью, а другие остаются научной фантастикой? Сейчас в российском медиапространстве вышел сериал «Трудно быть богом». Я его с большим удовольствием смотрю. Это мой заход, братцы, накидывайте, пускай вырисовывается контур обсуждения.

Да, Сергей Борисович.

СП. Давайте начнём с того, что на все ваши вопросы ответ «да».

ИК. Хорошо.

СП. Во-вторых, хочется ехидно сказать, что вам повезло: вы, видимо, за последнее время читали кого-то из футурологов. Я уже очень давно никого из них не читал и не видел.

ИК. Почему?

СП. Это очень интересный вопрос, и на самом деле очень содержательный. Что такое по определению футурология? Это наука о будущем. Раз это наука, то она строится в бэконовской парадигме. Но в бэконовской парадигме вы не можете увидеть будущее. Вы можете в лучшем случае получать результаты в теме «Продолженное настоящее с небольшими изменениями». Где-то до 60-х –70-х годов прошлого XX века футурология господствовала в области работы с будущим. Много было футурологов. Затем футурологи начали вымирать. Проблема заключается в том, что я уже давно ни одного футуролога не видел.

В чём сущность проблемы? Именно в том, что научные методы прогнозирования будущего не дают результата. Просто потому, что к этой задаче бэконовская парадигма формально плохо применима. Можно извернуться и научиться её применять, но для этого нужно именно изворачиваться. Есть совершенно историческая фигура, в этом отношении просто гигантская. Это фигура Станислава Лема. Я предпочитаю говорить, что Лем был последний футуролог и первый прогностик.

Говоря о том, что сейчас нет футурологов, я говорю это без всякого позитива. Мне искренне жаль, что футурологов сейчас нет.

> Футуролог пытался получить какое-никакое объективное знание о будущем.

Прогностик занимается совершенно другой работой.

> Прогностик обеспечивает принятие решений в настоящем управленцами, исходя из некоторых предположений о будущем.

При этом управленцу важно доверие к прогностику, но абсолютно не важно, какой моделью прогностик пользуется, научной или не научной, или он вообще раскинул карты Таро и получил ответ.

ИК. Почему?

СП. Ему важно внутреннее ощущение — верю / не верю. Помните, это великолепно у Азимова в цикле «Основания»:

> — Вы ему сказали, — имеется в виду Демерзель, — и он поверил.
>
> — Конечно, поверил, я никогда не вру по вопросам психоистории, а он, как и всякий политик, внутренне это чувствует.

> Любой политик — инстинктивный психоисторик,

он чувствует эти вещи. Поэтому ему без разницы, но он проверяет это через своё ощущение, мироощущение в языке «верю – не верю».

ИК. Может, оно и самое верное.

СП. Отсюда очень важный момент.

> Вы должны не просто предложить ему гипотезу будущего, ту или иную, удачную или неудачную. Вы должны ещё и дать её в языке, который он будет в состоянии понять.

Опять же, не исходя из того, что он глупее, он может быть в миллион раз умнее вас. Просто у вас свой язык, на котором вы разговариваете, а у него свой. У вас своя картина мира, у него своя. Вы не можете дать ему ответ в вашей картине мира, он его не возьмёт. За одним принципиальным, но очень важным исключением. Это исключение, когда вы как прогностик видите критичность ситуации, а он не хочет её видеть как лицо, принимающее решение. Вы тогда должны сказать ему примерно так: «Да, вам это не нравится. Да, я готов на этом уйти с этой работы. Но вы должны это иметь в виду».

Это очень важный момент. Помните, был великий кризис 2008 года? А я тогда был очень молодым ещё прогностиком. Ну, как молодым? 48 лет.

АЧ. Ой. Это мне сейчас столько.

СП. Я имею в виду, что прогностикой занимался не так давно. Я попал как раз на международную конференцию в качестве исключительно слушателя. И там я услышал очень важные слова. Они в данном случае отвечают, что к чему. Слова были такие:

> Нас спрашивают: «Почему вы не предсказали кризис?» Мы отвечаем: «Да мы предсказывали, говорили, но вы же нас не хотели слушать, вы же нам говорили про процветание, про устойчивое развитие, про зелёную экономику. Что же нам было делать? Вы бы нас не услышали».

ИК. А надо было играть на понижение, и всё.

СП. А ответ был следующий:

> «Да, мы бы вас не услышали. Вас, может быть, даже бы и уволили с работы. Но мы бы в глубине души знали, что такая возможность есть. И когда появились бы первые звоночки, мы бы успели среагировать. Поверьте, вас бы тоже не забыли в этом случае».

Это важно.

> В некоторых случаях ты обязан говорить то, что не отвечает позиции и антологии вашего заказчика, потому что это принципиально важно. Но в остальном ты к этому подстраиваешься. Ты говоришь в его языке, чтобы он сделал выбор. Футуролог в этом смысле объективен, прогностик субъективен.

И второй момент. Мы тоже очень не любим понятие «образ будущего». Почему? Потому что мы говорим так:

> прогноз используется для принятия управленческого решения. Образ будущего используется для оправдания уже принятого и, как правило, неудачного управленческого решения.

Обычно в языке «а если бы не это, было бы ещё хуже». Не будем уходить далеко в историю, но ковид — великолепный пример. Поэтому мы тоже не любим образы будущего, но мы любим аттракторы будущего — то небольшое количество вариантов, в котором сходятся все образы. Пока у меня такой комментарий на сказанное.

АЧ. Раз уж упомянули Азимова и «Основания», конечно, тут не могу не спросить. Я тоже когда-то по юности очень любил читать футурологов. И не просто читать, но, например, свою диссертацию культурологическую я построил как раз на трудах на тот момент топовых западных футурологов. Какие-нибудь Белл, Тоффлер — длинный список был разных. Даже Хантингтона, как ни смешно, записывали тогда в футурологи.

СП. Хотя он, мягко выражаясь, никогда им не был.

АЧ. Мягко говоря, никогда не был. И конечно, записывали в футурологи Фукуяму. Это просто «Тятя! тятя! наши сети…». Действительно, я подтверждаю, что в моей студенческой юности ландшафт был переполнен футурологами. Кастельс какой-нибудь гремел на всю Ивановскую. А сейчас посмотришь — ни одного действующего футуролога, который ходил бы с табличкой «Я футуролог», нет. Даже Юваль Ной Харари не дерзает претендовать. Он пытается…

СП. Курцвейл, пожалуй.

АЧ. Курцвейл, да. Такой мастодонт. Пожалуй, что одновременно с этим похожий процесс произошёл в нашей любимой фантастике. Жанр, который невероятно расцвёл в XX веке, — научная фантастика. И за исключением, пожалуй, Лю Цысиня (это совсем новое явление), сейчас жанр в глубоком кризисе.

В какой-то момент случился поворот. Вместо утопии появились антиутопии, страшилки, ретротопии в [большом] количестве. В список ретротопий можно зачесть даже Толкина, который написал раньше, но настоящую волну популярности обрёл тогда, когда Джексон кино

снял. И, конечно, Гарри Поттер. Фантастика ушла целиком в фэнтези. Вместо рассказов о прекрасном будущем начала рассказывать либо о прекрасном прошлом, либо о другом прошлом, которого никогда не было, но в которое я как попаданец очень хочу попасть вместо унылого и отвратительного настоящего, и уж там-то развернусь во всю мощь. Я бы даже сказал, что весь попаданческий слой — это «легко быть богом».

СП. Я с удовольствием прокомментирую, причём широко и подробно. Начнём с того, что всё не так плохо. На самом деле, действительно, всё не так плохо. Надо иметь в виду следующее. Фантастика имеет довольно длинную историю, но большое количество фантастических произведений, когда они становятся мейнстримом, — это индустриальная фаза развития. Для индустриальной фазы развития характерны быстрые технологические изменения. А это означает, что у человека возникает проблема соотнесения себя с тем миром, в котором он оказался. Это хорошо было у Бисмарка, когда его внук привёл на крупную верфь в Германии, где строились большие корабли. Он на это посмотрел и грустно сказал:

> «Это Германия, но это не моя Германия, и я её не понимаю».

Именно в этой связи, когда у вас начинается очень быстрое развитие и нужно человека и технику снова соединять, просто чтобы не было этой сильной фрустрации — ты оказался в другом мире, которого ты не понимаешь, — создавалась фантастика.

Нужно сказать, что романтизм начала XIX века — первая волна, слабенькая, но уже заметная, там уже не одно, не два, не три произведения. Потом фантастика Жюля Верна, фантастика второй технологической волны. Кроме Жюля Верна, масса людей писали, мы просто только Жюля Верна помним. Что он, собственно, делал? Он именно показывал людям, в каком мире они живут, в понятном для этих людей и привлекательном языке.

Потом появился Уэллс, первый человек, который сказал, что у технического прогресса могут быть две стороны, и скорее всего, вы сначала столкнётесь со второй, а потом, если доживёте, порадуетесь первой. Уэллс первым сказал, что сначала атомную энергию используют в качестве оружия, а уже потом ею будут дома обогревать. И вот здесь появляется как таковой жанр антиутопии. Причём очень интересная ситуация, мы любим над этим издеваться (я говорю о своей группе), у нас это обычно идёт через известную «Записную книжку» Ильфа. Там есть прекрасная фраза:

> «Читал массу фантастических романов, где изобрели радио, настало всеобщее счастье. Так вот, радио есть, а счастья нет».

> Что такое утопия? Изобрели радио, не суть важно что, и появилось всеобщее счастье. Что такое антиутопия? Изобрели радио, а счастья нет, и теперь уже никогда не будет. Но в реальной жизни мы не живём ни с тем, ни с другим. Мы живём с тем, что мы называем панк. Изобрели паровую машину, радио, атомную бомбу, смартфон. И теперь с этим надо как-то жить, не сходя с ума и не беспокоясь.

Уэллс первым обратил внимание на то, что у будущего могут быть непривлекательные черты. Здесь нужно иметь в виду, что «Война и мир» [прим.: СП имеет в виду «Войну миров»] — книга, предсказавшая инклюзивный капитализм Шваба как таковой. Эт третья волна.

АЧ. В смысле «Война миров»?

СП. «Война миров» в этом смысле более традиционна, и она попроще. На самом деле по-настоящему сложна именно «Машина времени».

Дальше приходит четвёртая волна: ядерное оружие, гонка сверхдержав и великая фантастика СССР и США, Science fiction [(англ.) — научная фантастика], потому что волна требовала этого. В тот момент шло развитие кучи панков в моём языке. ДВС, двигатель внутреннего сгорания, дизельпанк, атомпанк, автопанк, авиапанк. Всё это создавалось, с этим нужно было жить. И фантастика учила с этим жить. При этом, разумеется, она делала кучу ошибок, которых невозможно было не сделать. За эти ошибки мы расплачиваемся по сегодняшний день.

АЧ. «Робот не может причинить вреда человеку»?

СП. Как раз нет.

АЧ. Это не ошибка?

СП. Я глубоко убеждён, что Азимов, если бы был жив, ехидно сказал бы:

> «А теперь давайте посмотрим, кто был более прав: мы, которые создавали роботов, подчинённых первому закону, или вы, которые во имя жадного алгоритма и желания прибыли его убрали. Вы его потом введёте, только обойдётся это вам очень недёшево».

Азимов много раз оказывался правым, когда все над ним смеялись. Мы сегодня обсуждали у станкостроителей этот момент очень любопытный. Сколько лет Азимову орали:

> «Зачем делают человекообразных роботов? Понятно, что бульдозер — это электронный мозг в бульдозере». В конце концов, Азимов вздохнул и сказал: «Поймите, на Земле миллиарды людей. Вы создали антропоморфный мир. В нём просто намного удобнее быть человекоподобным. Это создаёт большие преимущества. Никто не будет делать бульдозер с электронным мозгом. Проще сделать робота человекообразного типа».

Китайцы сейчас показывают, что так и есть на самом деле. А ещё 10 лет назад все говорили: «Нет-нет, только исключительно промышленный робот, на человека не похожий». Оказалось, что это просто не так. Поэтому я думаю, что здесь Азимов прав. Нет, я, скорее, говорю о другом.

> Фантасты 60-х годов исходили из того, что звёзды близко, а главное — из того, что космос антропоморфен. Мы сейчас мучительно понимаем, что космос не антропоморфен, а тем самым, в нём жить нужно абсолютно по-другому, чем это было в их романах. У них космос продолжал Землю, а мы понимаем сейчас, что это просто не так.

Вот это говоря об ошибках.

Кончилась четвёртая технологическая волна — кончилась и фантастика четвёртой волны, если на то пошло, вместе с Союзом.

Фантастика пятой волны — это фэнтези. Почему фэнтези? Потому что в тот момент господствовало внимание к психотехникам и ощущение, что через психотехники — собственно, проект «Джедай» небезызвестный, там много чего делалось на эту тему — можно многого достичь. Естественное внимание фантастики: она ожидала революции в психотехниках и готовила к этому людей именно через фэнтези.

Мне довелось лично знать Сапковского. Мы просто встречались на одном из фестивалей в Санкт-Петербурге. У нас с ним была интересная переписка. Он написал о фэнтези статью под названием «Нет золота в серых горах». На что я ему ответил статьёй «В серых горах есть уран».

Говоря о том, что вся задача фэнтези — создать мир, который связан с настоящим только через одну проблему, но зато важную, в отличие от фантастики, от science fiction, которая всё-таки старалась выстраивать относительно связанную с реальностью модель мира, да, очень относительно, но план был такой. Фэнтези снимает это сразу. В этой ситуации рассчитывать получить из этого какой-то опыт для реальной жизни — конечно, нет. Но рассчитывать получить отсюда опыт для мышления — очень даже неплохо.

В конце концов, давайте честно и очень просто. Во время моей студенческой молодости процентов 90 (по крайней мере 80 точно с плюсом) физиков-квантовиков находились на позиции Копенгагенской школы. А сейчас более половины — на позициях эвереттовской школы «Мультиверсум». Почему? Потому что Роджер Желязны написал «Девять принцев Амбера», роман о том, что такое мультиверсум. И народ потихонечку стал открывать глаза на это. Вдруг оказалось, что с этим можно жить и работать. И это огромное значение, которое даёт фэнтези. В этом смысле оно свою задачу выполнило.

ИК. А будет ли новая фантастика на технологической волне искусственного интеллекта?

СП. Конечно. Извините, в нашей группе на это реагируют таким образом:

> — А не амперметром ли измеряется сила тока? Варианты ответа:
>
> - да,
> - есть,
> - конечно.

Здесь всё очень интересно. Сейчас как раз идёт шестая волна — создание микротехнологий и искусственного интеллекта. Это означает неизбежность следующей волны фантастики. Но эта волна должна начать всерьёз делаться в 30-е годы, на вершине технологической волны. Как и Жюль Верн был на вершине своей, и Стругацкие с тем же Хайнлайном — на вершине своей.

Сейчас появляются первые ласточки — проявления новой волны. Они не все посвящены искусственному интеллекту. Я очень хорошо отношусь к Лю Цысиню, но он-то как раз писатель для внешнего потребления. Совсем грубо: КНР понадобился автор, которого читали бы на Западе и который был бы там популярен. Он написал книги в стиле прошлой волны. У него просто хорошая проза, потому что он хороший автор.

Как раз на Западе появляются первые авторы, которые пишут другие книги, не похожие на

предыдущую фантастику. Прежде всего, из предыдущего поколения, из тех, кто был ещё тогда, но уже был за границей следующего такта развития, это, конечно, Рафаэль Лафферти с его очень короткими и очень сильными парадоксальными рассказами. Да, он ещё в 70-е писал, но тем не менее, он относился к будущему фантастики. Из тех, кто пишет сейчас, фактически, я просто, может быть, не всех знаю, но я могу только на три имени сослаться. Это прежде всего Нил Стивенсон.

АЧ. Да.

СП. Причём Стивенсон важен и когнитивистикой. «Анафем» — это самая когнитивная книга, которую мне приходилось читать в своей жизни. Но Стивенсон — это ещё и «Букварь для благородных девиц». Это целая группа книг, посвящённых искусственному интеллекту, и в частности «Додж в аду» — первая книга о кибербессмертии, написанная всерьёз, написанная в жанре science fiction и серьёзным автором.

АЧ. Она прошла мимо меня.

СП. Кстати, немогу не отметить, хотя это не имеет отношения к теме, он ещё и автор единственного приличного фантастического романа о think tank-е [(англ.) — аналитический центр, мозговой трест]. Собственно, за всю историю о think tank-ах было написано две книжки. Это «Штамм „Андромеда”» Крайтона в незапамятные времена. Но там think tank работал в аварийном режиме политического и биологического кризиса.

АЧ. Я извиняюсь, но «Академия» не think tank?

СП. Отвечу следующим образом. Если мы говорим про первое «Основание», то это не think tank, это технологический мир. А что касается второго «Основания», это не think tank, это орден.

АЧ. Ну, хорошо.

СП. При этом в ордене есть think tank, и наверное, не один. Но как раз его работа там ни разу не показана. А вот Стивенсон во «Взлёте и падении ДОДО» изобразил think tank-и американские, как они есть и как они на самом деле работают, да ещё с чувством юмора, которого ему не занимать.

АЧ. Ну да, это такой «Понедельник начинается в субботу».

СП. «Понедельник начинается в субботу» по-американски.

АЧ. Да-да.

СП. Кстати, важно, что они написали свой «Понедельник». И важно даже то, что между ним и настоящим «Понедельником» есть совершенно чёткие связи.

Второй автор — это английский, англо-китайский, условно скажем.

АЧ. Чайна Мьевиль?

СП. Коммунист, троцкист и культурист Чайна Мьевиль.

АЧ. Ну, конечно.

СП. Он действительно написал несколько великих произведений.

АЧ. «Embassytown», «Railsea».

СП. Но прежде всего, безусловно, «Посольский город» («Embassytown»). Очень важно, что это первая книга, где базовые технологии семантические. То есть это science fiction, но не на создании двигателя, а на семантических технологиях. «Город и город» — книга на когнитивных технологиях, демонстрирующая разницу миров.

АЧ. Если говорить про эпоху ИИ, то, конечно, Мьевиль.

СП. И третий автор — Райаниеми. И прежде всего последняя вещь, из тех, которые мне известны, — «Страна вечного лета».

АЧ. Да, «Страна вечного лета».

СП. Это альтернативная история, сложная.

АЧ. Видел, да.

СП. И чётко демонстрирующая, что жанр фэнтези может быть приземлён на science fiction и даже на реальную внешнюю и внутреннюю политику. Я уж не говорю о том, что книга, в которой премьер-министром Англии является Уэллс, уже, по крайней мере, поэтому заслуживает всяческого внимания. Вот эти три имени — это пока все ласточки, зарницы новой волны.

АЧ. Кстати, в Мьевиле меня поразило не только то, что он написал эти наборы фантастических книжек, но и то, что он внезапно написал огромную, очень подробную книжку о Троцком. И вот эта его фраза:

> «Если ты левый, нельзя не учить русский язык».

СП. Мне очень понравилось, да, когда его спросили:

> «А „Railsea“ — это же похоже на русское слово „рельсы“», от ответил: «Вы что, считаете, что я могу не знать русского?»

АЧ. Да-да-да.

СП. Это очень в этом смысле интересно.

На самом деле, из этой точки мне жалко лишь одно. Это действительно сильные фигуры, и будут новые. Но заметьте, они все англо-американские. Мне искренне жаль, что пока в этом нет ни Китая, который двигается в направлении работы над ошибками в предыдущую эпоху, я бы так сказал.

АЧ. Частично даже такого китайского копирования, реверсивного инжиниринга.

СП. И нет России, совсем нет. То, что у нас сейчас пытаются писать… Я не утверждаю, что я всё читал, что мне всё попало в руки, поэтому без обид, те, кто говорит, что они по-другому

пишут. Но в целом всё это очень похоже на повторение (иногда с улучшениями) того, что мы уже читали в 1960-е годы. А это сейчас работать не будет, потому что время другое, задачи другие. И связывают людей с задачами, которые они не решают и которые им уже давно не интересны. Понятно, что книжки рассчитаны на людей моего возраста, которые вспоминают свою юность, но уже и нам это неадекватно.

АЧ. Не знаю, я когда прочитал впервые «Страну вечного лета», я подумал, что Семён бы мог такое написать про Россию. На русском. Именно Семён. Объясню почему.

СУ. Я себе столько записал, чего нужно почитать.

АЧ. Способ взгляда. Ты, с одной стороны, предельный реалист, ты знаешь, как что работает. На уровне кто кому, чего, когда.

СУ. Кто кому Рабинович.

АЧ. Кто кому Рабинович, да. Во вторую очередь, у тебя есть убеждения. И это часть тебя, ты не хочешь от них отказываться или как-то их сдавать. Воспринимаешь как некую сдачу. И с третьей стороны, ты хочешь в ситуации, когда твои убеждения категорически не бьются с твоей реальностью, сохранить возможность действовать. Я поэтому как раз тебя и вспомнил, причём читая статью Сергея Борисовича про «Страну вечного лета». Даже не статью, а заметку какую-то.

СП. Там маленькая заметка, да.

ИК. Звучит как план.

СУ. Я бы сказал, это вызов.

ИК. А почему, кстати, у нас сейчас такой кризис в рамках создания фантастических произведений?

СП. Первое — не знаю. Второе — естественно, какие-то гипотезы у меня на этот счёт есть, и я на этот счёт думал.

1. Первый момент. Очень сильная травма распада Союза. И она, к сожалению, проявилась в целом ряде поколений, не только в том поколении, которое непосредственно его застало.
2. Второй момент. Именно как следствие распада Союза. У нас всё-таки не было опыта капитализма XX века, как у них, кстати, не было опыта социализма XX века, что сейчас блистательно демонстрирует та же Швеция, потому что они, похоже, наступают на все грабли, на которые мы когда-то наступили.

АЧ. А как же шведский социализм?

СП. Так я и говорю, настоящего-то у них не было. Вот они по граблям и ходят.

АЧ. Как шведская стенка, шведский стол и шведская семья, оно всё не настоящее.

СП. Но мы тоже идём по граблям, потому что «жадный» алгоритм. Первое. Издательства считают, что они знают, что хотят читать читатели, и издают именно это. Как правило, они не знают.

Второе. Писатели вольно или невольно подстраиваются под это и начинают тиражировать.

Причём писатели талантливые. Ну кому нужна «Таня Гроттер», когда уже есть «Гарри Поттер»? Это хорошая книга даже, но она не нужна, потому что она вторична и третична. Естественно, умный и хороший автор мог вполне написать на эту тему хороший роман. Не на эту тему, в смысле на какую-то другую тему, но ему хотелось повторить. И да, книжка пошла хорошим тиражом, у него всё в порядке, с этой точки зрения.

Здесь начинает срабатывать ситуация (она у нас не только в литературе) — наше внутреннее ощущение глубокой вторичности. Цитирую Наталью Михайловну Луковникову, она впервые это в прямом виде сформулировала:

> «Мы не делаем ничего в концептуальном мире, если нет такого же типа концепции на Западе. Мы не делаем этого в фантастике».

АЧ. Провинциализм мышления. Если там нет, значит, нет. Я, кстати, с этим многократно сталкиваюсь в своей практической деятельности как генеральный директор НПЦ «Ушкуйник». Когда ты делаешь какую-то разработку…

ИК. Всё время с оглядкой.

АЧ. Основной вопрос: «А у них такое есть?» Как правило, ответ «да», скорее, повышает шансы успеха. А ответ «нет», скорее, снижает, хотя, казалось бы, должно быть ровно наоборот.

СП. В литературе ровно то же самое.

ИК. Я сейчас в разных запрещённых социальных сетях периодически поглядываю всякие интересные паблики, которые создают картинки и видео с помощью нейросетей. И наткнулся на паблик, который называется «Атомная Русь». Какие там прекрасные образы конструируются! Эстетика имперская, дореволюционная, но естественно, положенная на современные атомные века, атомные технологии, развитие физики, искусственного интеллекта и так далее. Как бы развивалась наша страна, если бы не случились события 1917 года и т. д. Очень интересно, я вам скажу. Тема, правда, не совсем нова.

СП. Совсем не нова.

ИК. Ну да, скажем так.

СУ. Так это же интересно. Речь же не об интересном, а о будущем.

СП. У меня здесь всегда очень сложное отношение. Дело в том, что все знают, что такое теория связности и насколько стратегически важны критические позиции, что их надо держать до последнего момента. И география России с её точками географической связности великолепно всем известна. Все знают значение Смоленска, все знают значение Волго-Уральского региона. Все понимают, что такое Москва и почему в этом слове для нас действительно очень много всего. Точка пересечения всех основных дорог страны.

АЧ. Заметьте, рукотворных. В речной период была не Москва.

СП. Рукотворных, да.

ИК. Как новгородец говорит, я знаю.

АЧ. В речной период: Новгород — да, Киев — да, и даже Смоленск — да, потому что Волок. И водоразделы бассейнов. А тут какой-то приток Оки периферийный.

ИК. Да ладно! Порт пяти морей!

СП. Да-да-да. Но я не про это. Я к тому, что

> кроме пространственной связанности всем известно, есть временная связанность, когда нация, этнос, суперэтнос связывается во времени.

Там тоже есть свои критические точки.

> Если мы смотрим на русскую историю, начиная с княжеств, через монгольское нашествие, Московию, Российскую империю и доходим до сегодняшнего дня, неожиданно выясняется, что Советский Союз — точка связанности.

И отсюда очень интересно:

> базовая задача противника, а надо сказать, что противник разбирается в военном деле и понимает такие вещи, — заставить нас спорить: Россия, которую мы потеряли, или Советский Союз, который мы потеряли. Как только мы перестаём обсуждать эту тему и понимаем, что наша история в этом отношении абсолютно едина, картинка начинает сразу меняться.

Мы тут вспоминали [неразборчиво] в ходе разговоров. Безусловно, именно эта картинка там чётко и обсуждается. Поэтому тут всё не очень просто.

ИК. Будущее создают или предсказывают?

СП. Начнём с пункта 2, насчёт предсказаний. Существует чрезвычайно важная прогностическая теорема. Думаю, что для футурологов это тоже верно, но я просто в этом цеху не смотрел с позиции внутреннего проживания.

> Вы можете предсказать будущее, но вы даже сами не узнаете будущее, которое предсказали.

У нас есть в этом смысле очень простое суждение. Когда ты занимаешься прогностикой, ты работаешь, скорее, с детективом, чем с фантастикой. Основное требование детектива — развязка должна полностью вытекать из предшествующего текста и быть при этом абсолютно неожиданной для читателя. Та же ситуация с будущим. Оно полностью вытекает из прошлого и настоящего, но оказывается абсолютно неожиданным для тех, кто в него попадает. Отсюда вопрос: предсказать можно, поверить в предсказание будет нельзя. Когда вы предскажете настоящее будущее, в него никто не поверит, и вы сами в том числе.

АЧ. Синдром Кассандры. Надо быть совсем отморозком.

СП. И второй момент. Вы, когда предсказываете будущее, предсказываете его из настоящего. Это означает, что у вас слова настоящего, понятия, образы. У нас это когда-то в группе обсуждалось под названием «К теории клёпаных звездолётов». Понятно, что в звездолётах начала индустриальной фазы детали соединялись с заклёпками. А как по-другому?

АЧ. Да-да.

СП. Когда читаешь «Туманность Андромеды», ты начинаешь понимать, что «Тантра» с её длиной метров 200 с хвостиком явно управляется вручную, даже не через сервомеханизмы.

АЧ. Я уж молчу, что они на бумажке распечатывают отчёты на принтере. Уже принтеры-то изобретены к тому времени, и они на матричном каком-то принтере распечатывают отчёты бортового компьютера.

СП. При этом обратите внимание: если вы попытаетесь в произведении действительно показать реалии будущего, его читать не будут. Оно будет никак не соответствовать реалу той жизни, в которой ваш читатель находится. Хороший пример. Взяли бы Жюля Верна из XIX века, притащили его на современную атомную подводную лодку, дали ему всю её облазить, посмотреть. Он бы много чего понял, он вообще был человек умный и проницательный, но написал бы всё равно «Наутилус» с его коврами, окнами и т. д. Потому что про эту железную капсулу, из которой нет никакой возможности ничего увидеть, только по приборам смотришь, где ты находишься, об этом написать роман в XIX веке нельзя, его читать не будут. И здесь то же самое с прогнозом. Любой прогноз, который вы делаете, написан на языке настоящего. В нём бывают один, два, три элемента будущего. Иногда бывает очень смешно. Иногда бывает, что автор писал в языке будущего, его не понимали, но потом будущее его догнало, время. И становится вдруг всё абсолютно ясно, о чём он писал.

Лучший из примеров — безусловно, «Возвращение со звёзд» Лема. Когда эта книга писалась, картина мира будущего там изображённая была абсолютно не похожа на реал. Но к 90-м годам она стала от него просто неотличимой. Кроме бетризации, всё, что видит Эл Брег, вернувшись на Землю, мы просто видели каждый день в реале. В тот момент стало понятно, что Лем реально умел думать о будущем лучше других.

Поэтому вот ответ на этот вопрос. Можно ли предсказать? Ответ: можно. Толку от этого немного. А можно ли будущее построить? Поскольку будущее регулярно строят, ответ — да. Иногда человек понимает, что он строит будущее. Иногда он этого совершенно не понимает. Но всё равно его действия его строят. Люди не всегда понимают масштабы своих действий. Я лично люблю пример Линдберга, первого человека, перелетевшего Атлантику на одноместном собственном самолёте, который он сам чуть-чуть подрихтовал напильником, как любят говорить в России, и 40 часов он не спал, находясь в воздухе. Поскольку он знал, что он прилетит уже никакой, у него была запись, что нужно сделать на посадке, после посадки. Там был пункт: найти не очень дорогую гостиницу и выспаться. То, что его будет встречать весь Париж, то, что его поселят в лучший отель, который там есть, и владелец отеля скажет, что для него это великая незаслуженная честь, он думать не мог. Он не понимал, что он делает действия мирового масштаба. Но он это делал. Поэтому тут ответ очень простой:

> любой человек, который что-то пытается делать, в принципе что-то в этой жизни, он строит кусок будущего. Кому-то повезло, он построил огромный. Кто-то построил маленький, но без этого маленького другого будущего всё равно бы не было.

Поэтому формально: строить можно. Предсказывать — тоже можно. Но я уже объяснил, почему это не будет играть роль.

ИК. Обнадёживает то, что мы все строим.

СУ. А я предлагаю прагматизироваться. Я сейчас в процессе чтения вашей книги (она коллективная, как написано в ней) «Сумма стратегии». И [мне близка] мысль ваша о том, что мы сильно контужены развалом, крахом нашей цивилизации, на самом деле. Дело не только в развале Советского Союза, потому что он во всём — и в культуре, и в экономике. Это как гибель Римской империи — наверное, с этим можно сравнить.

СП. Я бы даже сравнил, скорее, с романом Сакё Комацу «Гибель Японии». По-моему, даже ближе, чем гибель Римской империи.

СУ. То есть гибель всего, мироздания.

СП. Есть такое дело.

СУ. Особенно для нашего поколения, которое это в подростковом возрасте пережило, это был такой удар непонятный. Ты на что-то настраивался — а потом [наступила] такая эпоха цинизма. И поэтому о будущем думать даже не хочется. Я говорю про наше поколение, потому что контузия произошла именно в подростковом возрасте. Мы часто это в связи с феноменом Зеленского обсуждаем — этого поколения.

АЧ. Последние подростки советские.

СУ. Мне хочется приземлиться на стратегирование (на практическую часть) относительно постсоветского пространства, потому что я тоже пришёл к выводу, что во-первых, [необходима] рефлексия того, что действительно с нами произошло с 1985 по 1991 год, это же не за год случилось, фактически пятилетка предшествовала этой форме самоубийства. И второе — пересборка нашего постсоветского пространства. Мне бы хотелось разобрать, через какую стратегию нам лучше это всё [делать].

АЧ. Я не могу [не вмешаться]. В моей рабочей модели счёт с 1971-го.

СУ. Можно ещё раньше начать — от хрущёвских лет.

СУ. Точка невозврата определяет, в какой стратегии нам нужно осмыслять катастрофу и преодоление катастрофы.

АЧ. У меня точка невозврата — 1975-й. Впервые межотраслевой баланс в Госплане не сошёлся — всё, дальше в некотором смысле уже делать было нечего.

СУ. Отлично. Зафиксировано противоречие даже в одном поколении. Интересно, в какой стратегии нам надо осмыслять катастрофу?

СП. Во-первых, «Интерстеллар» все смотрели?

АЧ. Да.

СП. В конце «Интерстеллара» я сделал один из важных стратегических выводов, который, кстати, в книжке тоже есть:

> всякая плохо организованная, плохо продуманная и плохо осуществлённая операция обычно плохо заканчивается.

В данном случае мы столкнулись именно с этим.

> У нас была плохо задуманная, плохо осуществлённая и плохо реализованная операция. Можно искать очень много конкретных точек, где были сделаны те или иные ошибки. Но основная проблема была не в конкретных ошибках. Ошибки исправимы.

Тем более надо иметь в виду, что даже пример Китая нам демонстрирует, насколько компартия Китая — мощный инструмент управления ошибками, когда они сделаны и осознанны.

АЧ. Умеет работать над ошибками.

СП. С моей точки зрения, с нами случилось несколько очень важных негативных моментов, которые были связаны не столько с нашими ошибками, сколько с хорошими, умными и дельными действиями наших противников. Я цитирую Анисимова:

> «В ответ на вопрос, кто виноват, самый естественный ответ — противник — почему-то никому не приходит в голову».

Это первый важный момент.

АЧ. Да, помню такое. И тоже у вас.

СП. Я часто цитирую Анисимова и всегда ссылаюсь, потому что это у него хорошо написано.

Первое — мы очень много поставили на космос с самого начала, даже не с 1961-го года, не с Гагарина, а с Фридмана, а это 20-е годы, открытая модель Вселенной. Отсюда советская фантастика уже в 20-е годы писала о космосе.

АЧ. Беляев.

СП. Беляев, Забелин — много было авторов. Первое, с чем мы столкнулись: Солнечная система точно попадает под известную фразу из «Туманности Андромеды»:

> «Четыре планеты Веги совершенно безжизненны».

> Когда мы поняли, что жизни нет на Венере, и скорее всего на Марсе в лучшем случае микробы, а может и ничего, оказалось, что огромные усилия, направленные на космос, не приводят к открытию мира, то есть к его расширению.

Этот момент был чрезвычайно неприятен, и он не сразу осознавался в полной степени. На самом же деле, если вы строите будущее на космической фантастике, вам нужен реальный космос. И вам нужны реальные космические достижения.

Второй момент — лунная гонка.

АЧ. Это то, с чего я начал.

СП.

> Был ли это проигрыш, либо противник убедительно продемонстрировал свои превосходства в других технологиях, не космических, вообще-то отношения к жизни не имеет. Никакой обиды здесь быть не может. Если нас таким образом обманули, мы заслужили проигрыша, потому что позволили себе быть обманутыми.

А главное, не смогли найти естественного контраргумента. Как я писал, в данном случае считаю, что правильно написал:

> «А над горизонтом сиял Марс, главный приз лунной гонки».

И конечно, ещё была игра, и можно было играть ещё долго. Но мы бросили карты. В этот момент наше руководство бросило карты на стол. И это был очень неприятный момент. Это второе.

АЧ. Тут мы совпали. Я потому 1971-й и поставил.

СП. 1971 – 1972. Совершенно неожиданно,

1. во-первых, начинает идти колоссальный недострой, незавершёнка, куда закапываются огромные средства.
2. Во-вторых, начинается сбой межотрослевого баланса. Но всё это не так страшно.
3. Третий момент — начинает появляться социальная депрессия.

С одной стороны, да, следствие поражения в лунной гонке. Следствие совершенно идиотской пропаганды, которую, действительно, не умеете, так не работайте, не делайте. Совсем же не умели. И идёт депрессия. А депрессия же, вы понимаете,

> даже депрессия человека — это же не вариант «я ничего не могу», это вариант «я ничего не хочу, а потому ничего не делаю». На самом деле мы потерю времени начали уже тогда. Да, отдельные группы ещё работали, они ещё двигались вперёд, но это были уже отдельные группы.

И с этой точки зрения — да, 70-е годы.

> В 80-е и 90-е — распаковка свершившегося поражения. Могли распаковывать дольше, но, кстати, это вряд ли было бы сильно лучше.

И очень важно:

> проиграв в идеологии, мы проиграли сразу во всём. Слишком много на эту карту

> ставилось.

И когда оказалось, что ладно бы для молодёжи, но и для самой системы власти западный образ жизни привлекательнее советского, тут стало понятно, что шансов на выигрыш нет.

АЧ. Заметьте,

> асимметрия: мы-то были идеократией, они-то не были идеократией всю холодную войну. Мы всё время видели их своими глазами и всё время пытались воевать с идеологией капитализма. А с той-то стороны идеологии не было.

СП. Не уверен. Я боюсь, что

> там была скорее другая ситуация — мы не понимали оружие, которым с нами воюют.

АЧ. Да, это в том числе. То, что условные джинсы и «Мальборо» — это тоже идеология. Или, вернее, не так — тоже средство, такое же, как наше всепобеждающее учение, это мы очень не скоро врубились.

СП. Мы врубились уже в 90-е. Но я бы даже не о джинсах и «Мальборо». Я сказал бы о гораздо более интересном моменте.

> Мы перестали реагировать на чётко выраженные интервенции. Когда над нами смеялись, мы с удовольствием смеялись вместе с врагами над собой.

И ни разу не задавали себе вопрос. Я очень люблю пример: «Советский Союз — это Верхняя Вольта с ракетами». Стандартный ответ: «Ребята, не бывает у Верхней Вольты ракет. Чтобы сделать ракету, нужно иметь это, это, это, это».

АЧ. Либо Верхней Вольте их кто-то должен дать.

СП. Да, ничего такого у Верхней Вольты нет. И вроде бы сразу уходит пример. Но все с удовольствием повторяли про Верхнюю Вольту с ракетами. Помните, у Пелевина:

> «Если инвалидируемый сам участвует в своей инвалидации, то всё и кончится известно чем».

И тогда, да, были сделаны определённые ошибки. Но, ещё раз подчёркиваю,

> это не столько наши ошибки, сколько очень хорошая игра наших противников.

Цитирую товарища Сталина:

> — Что будем делать?
>
> — Завидовать будем».

АЧ. То есть вы говорите, что мы проиграли, потому что они нас обыграли? А обыграли они нас, потому что лучше понимали нас, чем мы, например, их?

СП. Чем мы их и себя. По Сунь-цзы:

> «Если не знаешь ни себя, ни его, сколько раз ни бейся, столько раз будешь проигрывать».

> Почему мы не знали себя? В том числе и потому, что мы вообще не учили тот же самый [марксизм].

Мы говорили, идеократия.

> Марксизм — отличная модель, с ней можно очень хорошо работать.

До сих пор я с ней с удовольствием работаю, никаких проблем не испытываю, предсказательная сила — всё, что надо, есть. Кто у нас знал марксизм?

АЧ. Кстати, в том же 1972-м разогнали тех, кто его знал. Погром Института философии, совершённый академиком Яковлевым.

СП. Совершенно точно.

АЧ. Ильенков и проч.

СП. Поэтому у нас не то что не было ничего другого, так у нас и идеократии в этой ситуации по сути не было. При Сталине она была. При Хрущёве она была, хотя очень странная, но она ещё оставалась. При Брежневе её не было. [Говорю] как человек, который тогда уже был старшим школьником, и студентом, и выпускником вуза — не было.

АЧ. Она остаточно была с 1964-го по 1971-й – 72-й.

СП. А уже с 1975-го – 1976-го её не чувствовалось вообще.

АЧ. Уже вообще не чувствовалось, да.

СУ. Хорошо. Ответ на вопросы, о чём думать, я получил. Теперь хотелось про стратегию именно постсоветского пространства, потому что рухнула большая страна, а дальше она, как зеркало у Кая, раскололась на какое-то количество осколков. И стратегии дальнейшего развития всё-таки разные. Меня интересует, в какой стратегии осмыслять наш пересбор. Или, может, это вообще лишняя задача — пересбор той самой большой страны?

СП. Я отвечу на этот вопрос совершенно тривиальным образом.

> Поскольку в генезисе данной страны три империи, было бы странно, если бы она не начала собирать четвёртую.

> В конце концов, «что длится целый век, тому продлиться — вдвое», копирайт Андрея Столярова.

> Это действительно наша история, она всегда была такой. Она была имперской, она таковой останется.

Почему она другой не может стать? Потому что условия формирования социума — открытые пространства на север, северо-восток и юго-восток. То есть социум формировался и обретал свой культурный код при этих открытых пространствах. Отсюда модель экспансии и модель объединения. А

> поскольку у нас никогда не было естественных границ, в том числе и на Западе, волей-неволей ничего, кроме имперского решения, у нас не получалось, потому что в ситуации, когда тебе нужно иметь в виду несколько разных войн с разными противниками одновременно, у тебя вопрос высокого уровня жизни и гуманного демократического управления просто не встаёт. Должен быть кто-то, кто отдаст прямой и непосредственный приказ.

Поэтому ответ на первый вопрос —

> пересборка уже идёт. И она начала идти сразу с развалом.

Как начался развал страны в 1991 году, уже был поставлен вопрос о пересборке.

Очень смешной момент. Где-то в районе 2001 или 2002 года, сейчас уже не вспомню, когда начала работать программа конструирования будущего — это Ютанов Николай, Андрей Столяров, и я там тоже был в этой группе, — они через какие-то третьи, четвёртые, пятые руки взяли интервью у Бжезинского. И тот начал говорить про агрессивную и опасную Россию.

> Ему сказали: «Да вы с ума сошли. Россия — 0,9% мировой торговли, 0,8% мирового производства, да ещё при полном распаде. Вы о чём вообще?» А вопросы ему якобы задавали канадцы. На что он ответил: «Вы, канадцы, не знаете русских так, как знаем их мы, поляки. Пройдёт всего 20 лет, и вы поймёте, что эта империя возродилась снова».

АЧ. А вы говорите, прогнозисты!

СП. Не могу сказать, что Бжезинский был плохим прогностиком.

ИК. Мне на самом деле такой сценарий очень нравится.

СУ. Следовательно, давайте сделаем два вывода из первого посыла о том, что противник был сильнее, коварнее, эффективнее и что мы неизбежно идём в восстановление.

АЧ. Умнее, в первую очередь.

СП. Умнее, эффективнее.

СУ. Следовательно,

> любые наши попытки восстановления, которые лежат в нашем генезисе, более умным противником будут пресекаться на корню,

что, наверное, и происходит. Мы сейчас в этой стадии и находимся.

СП. Я бы ответил следующим образом. Надо иметь в виду, что Бжезинского уже нет. Маргарет [Тэтчер] уже нет. В итоге у нас возникает интересная ситуация, когда ты смотришь на Бориса Джонсона и вспоминаешь Леонтьева, двустишие:

> «На вашем фоне даже он фигура».

На фоне Стармера, даже Джонсон фигура.

На самом деле надо понимать простую вещь:

> у противника тоже есть проблемы. Конкретно сейчас он впервые за очень большой кусок истории столкнулся с ситуацией абсолютной неадекватности лидеров и стоящих перед ними задач.

Поэтому сейчас я не вижу, чтобы противник был умнее, хитрее, коварнее, и ещё в меньшей степени вижу, чтобы он был эффективнее. У него остался наработанный запас, достаточно большой, в том числе и технологический. Но что-то за последнее время я не вижу особого изменения этого запаса к лучшему, а эффективность его политической, военной и промышленной машины в войне выглядит, пожалуй, похуже, чем даже у нас.

АЧ. А Кремниевая долина?

СП. А Кремниевая долина — это кто и что сейчас?

АЧ. Ну как? Вот конкретно мои самые любимые противники: Palantir, Anduril, Эрик Шмидт.

СП. Кстати, обратите внимание на терминологию.

АЧ. Сплошной Толкин. Бесконечный Толкин.

СП. Поэтому тоже интересно.

АЧ. Они все эльфы. Я же почему говорю: родился орком — защищай Мордор.

СП. Смотрите. Момент первый.

> Palantir — крайне опасная организация. Но уровень его опасности для России и для самой Америки примерно одинаков.

С этой точки зрения это, безусловно, кусок другого мира, кусок той модели мира, в которой я бы не хотел жить. Но в данный момент времени встаёт прямой вопрос.

> Пока Palantir поддерживает американскую политику, его трогать не буду. Но Palantir не может её поддерживать всё время, потому что это аутичная структура, у которой есть только свои собственные представления о правильном. Рано или поздно они столкнутся с противоречием.

Если говорить о Palantir, то это, в конечном счёте, группа моделей Розова, группа моделей Меганезии. Конкретно Palantir — не Меганезия, потому что тамошнее руководство — они ещё и реальные аутисты. Но всё равно это данная группа моделей. В общем и целом на данный момент времени становится понятно, что

> в эту сторону человечество усиленно толкают, но туда никто идти не хочет. И ладно, туда не хочет идти Путин, и ладно, туда не хочет идти товарищ Си. Но Трамп туда тоже идти не очень хочет.

АЧ. Судя по тому, как они разошлись с Маском прямо на старте срока, казалось бы, вот уж были не разлей вода, а Маск же плоть от плоти этой когорты.

СП. А вот нет. Кстати, обратите внимание, Маск снова вернулся в управление.

АЧ. Он странно вернулся.

СП. Из чего я делаю вывод, что и предыдущая размолвка была для публики иностранных разведок. Цитирую один хороший рассказ Гарри Гаррисона. Что я имею в виду?

> Маск — на самом деле человек очень нашего типа. Он фанат экспансии в космос, на всё остальное ему глубоко наплевать. Он считает, что будущее Америки в космосе.

АЧ. Конечно, поэтому у нас его иконы висят вместе с Королёвым во многих местах. И куча народа жалеет, что он не русский.

СП. Он так считает, это его направление. И как раз

> он-то, в отличие от палантирщиков, не горит желанием просто так уничтожить людей во имя интересов Америки. Его базовая программа: «Америка — авангард человечества в космосе». Вот его программа. А не «Америка — единственная сила на Земле».

И это не позиция Palantir.

АЧ. Я понял, да. Я на это так не смотрел.

ИК. Я так понимаю, что у нас сейчас самое благоприятное время для собственного проектирования будущего.

СП. Во-первых, хочется произнести фразу: «Это всегда благоприятное время, чтобы заниматься этой работой».

ИК. Просто сейчас противник ослаб.

СП. Противник ослаб. У нас есть немеряное количество своих проблем. Но у нас есть следующий момент:

> у нас есть поколение, прожившее катастрофу и выжившее в ней.

Естественно, если есть такое поколение, есть и дети, и внуки, и т. д. На самом деле интересная ситуация.

> Это особый опыт, которого противник сейчас не имеет.

Когда нам начинают говорить: «Будет ещё хуже, будет вот это и вот это, будет вообще ужасный кризис, у вас упадёт производство на 15%», я начинаю тихо смеяться и говорить: «А вы 90-е не видели?» «Так не бывает». Я говорю: «Бывает, поверьте. Мы тогда выжили. Поэтому ваши 15% меня не вдохновляют. И даже не то что они пугают, мне вообще это неинтересно».

АЧ. Да и жёстче давайте скажем. Когда рассказывают про ужасы грядущих кризисов, я вспоминаю времена, когда тебя реально даже, условно, в Москве могли убить в каждой подворотне. Причём просто с целью ограбления.

СП. И просто так.

АЧ. Просто так. И чего?

ИК. Когда наши враги начинают прогнозировать, что у нас из-за очередей за бензином…

АЧ. … случится политический кризис.

ИК. … развалится страна, я в душе улыбаюсь.

СП. Совершенно точно. У нас свои проблемы есть, но мы очень хорошо помним, что проблема — это немножко другое. Что сделали в 90-е годы? Нам просто показали: проблема — это другое, а не то, что вам таковым казалось. В данном случае это первый для нас позитивный и очень значимый момент.

СУ. То есть у нас есть иммунитет.

СП. В какой-то мере

> мы пережили фазовый кризис, как я его вижу, получили неплохую его прививку.

> Другой вопрос, что это не решило кучу проблем нашего бюрократизма, той же самой идеократии.

У нас сейчас очень смешная ситуация.

> Идеи вообще-то нет, зато идеократия налицо.

АЧ. Более того, идеология запрещена по Конституции, но при этом идеократия очевидным образом налицо.

СП. Это тоже всё есть. Но мы-то привыкли, что у нас в истории так есть всегда. А они совершенно не привыкли к тому, что, первое, власть может игнорировать их естественные, правильные и достаточно чёткие требования. Та же самая ситуация с образованием во Франции и тем, что там сейчас творится. Или та же самая ситуация с «Альтернативой для Германии».

> Они не привыкли к тому, что их уровень жизни никого не интересует. Мы давно к этому привыкли.

АЧ. И к тому, и к другому.

СП. Наш уровень жизни не интересует никого, кроме нас. В итоге

> создаётся ситуация, при которой их риски становятся больше, чем наши.

Как ровно наоборот было в те же 70-е. Можно сказать, что у них сейчас их 70-е. Смогут они с этим справиться? Я очень боюсь, что смогут. Почему? Потому что

> мы их можем поставить в ситуацию, где у них не найдётся ни одного хода, кроме правильного. Тогда есть шанс, что они его найдут.

Поэтому лучше бы их в этом смысле до предела этого не доводить, чтобы у них оставался какой-то выбор, тогда они выберут неверно. Но

> сейчас для Европы риск много выше, чем для России. Для Китая риск выше, чем для России, по абсолютно другим причинам, а в Америке — свои неприятности. Они не могут решить проблему внутреннего конфликта.

> Они не могут ни выйти из этого конфликта, ни довести его до состояния нормальной гражданской войны, после которой он закончится с победой одной из сторон.

АЧ. Кстати, Саша Любимов ровно обратное говорит. Он говорит, что гражданская война в Штатах практически неизбежна, но, скорее всего, Америка выйдет из неё гораздо сильнее, чем была.

СП. Нет, я отвечу следующим образом: Америка, безусловно, выйдет из войны сильнее, чем была. У меня точно та же самая позиция. Весь вопрос в том, что она тянет время и никак не может в неё войти.

АЧ. Войти, да.

СП. А эта ситуация зависания, когда ни гражданского мира, ни гражданской войны, ровно по Троцкому….

АЧ. Армию распустить.

СП. Да, а армию распустить — вот это самое неприятное, что может быть для Америки. А так,

> если они доведут ситуацию до войны, войну выиграет Север, как обычно по традиции, и Америка после этого станет гораздо сильнее.

Это действительно так, но пока они зависли.

СУ. Тогда нужно третий элемент системы разобрать, чтобы чистота понимания, у меня, по крайней мере, возникла. Это футурология. В 60-е и 70-е [говорили] о том, что грядёт эра Юго-Восточной Азии. XXI век будет проходить под этим знаком. В общем, они будут лидерами. Сейчас, наверное, это уже как раз и происходит, то, о чём 50 лет назад последние футурологи говорили. Давайте тоже широкими мазками разберём, какая стратегия у Китая. И можно ли говорить о появлении отдельного юго-восточного центра силы в XXI веке? Юго-Восточной Азии, имеется в виду.

СП. Сразу скажу, что первую половину XX века говорилось о том, какие будут великие перспективы у стран Латинской Америки. Но

> страны Латинской Америки, где они были в начале XX века, там и сейчас остаются.

АЧ. Как бы не хуже.

СП. Особо даже и не хуже.

АЧ. Аргентина-то была в топе одно время, в топ-5 по мировому ВВП. Где она сейчас? Бразилия.

СП. Получилось буквально следующее:

> не развиваются эти страны. Не хотят они развиваться принципиально, не хотят они брать на себя первые позиции в мировом развитии, в том числе и потому, что их в целом устраивает то, что у них и так есть.

Аргентину завоёвывать никто не собирается, особо некому. Мясное животноводство — лучшее

в мире. Худо-бедно серебряные рудники есть, экономика развита. Большего они просто не особенно хотят, это их устраивает.

Ситуация с Юго-Восточной Азией. Они тогда совершали быстрый рывок от уровня традиционной фазы, причём даже не очень развитой, к индустриальной. Не просто дешёвая, а бесплатная рабочая сила, нерастраченные ресурсы, помощь со стороны всех кому не лень. И известная любому спортсмену формула: плохие результаты растут исключительно быстро. А я в 2019 году посетил Малайзию. Причём с бизнес-поездкой, мы объехали практически всю страну и познакомились с её основными компаниями. Я оттуда регулярно писал письма домой, благо, Интернет нормально работал. И получил следующий ответ в конце: «Мы-то думали, это тигры Юго-Восточной Азии, а это кошки облезлые». Во-первых, в принципе, я нашёл там только одну действительно малайскую фирму, которой реально руководили малайцы и которая при этом что-то ещё умела делать. Банки существовали в парадигме 60-х годов. Они в принципе не понимали, что появление Интернета меняет задачи банковской сферы. Во-первых, это самое очевидное. Во-вторых, в куче банков мира это давно уже является просто нормальной стратегией развития (вспомним тот же Сбер). Они вообще не понимали, что у банков может что-то измениться с новыми технологиями.

Почти все их логистические фирмы на самом деле были немецкими, где основной руководящий состав — немцы, основной инженерный состав — немцы. Пара малайцев тоже обнаруживается, но работают они не в Малайзии, а на других территориях. Я сейчас вижу из всей Юго-Восточной Азии реальные перспективы по-настоящему у двух стран. Это прежде всего Вьетнам. И здесь надо сказать, что это связано с тем, что Вьетнам — это не страна Юго-Восточной Азии, не развивающаяся страна. Это страна с очень древней культурой, и это страна, которая сохранила язык и свою культуру, несколько сотен лет проведя в составе Китая, чего больше никому не удалось сделать. Это колоссальное достижение. И да, они сейчас находятся в зоне развития, они остаются социалистической страной, у них великолепная своя собственная индустрия, они двигаются своим путём и идут наверх.

Вторая страна, как ни странно, Мьянма, она же Бирма.

АЧ. Где сейчас вообще всё плохо.

СП. Там всегда всё плохо, и дальше будет плохо. Но у неё, по крайней мере, есть потенциал какого-то развития. У них есть своя картина мира, своё направление движения, они пытаются его реализовывать. Они очень много тратят усилий на защиту своей территории не столько от враждебных армий, сколько от проникновения крупного чужого бизнеса. Причём делается это очень просто: у них есть центр страны, есть окружающее княжество, в котором находятся полунезависимые сепаратисты. Сепаратисты и Центр согласны только в одном: нельзя пропускать на эту территорию иностранный капитал. Поэтому, когда иностранный капитал туда проникает, конторы уничтожают, людей убивают, а правительство говорит, что мы ничего не можем сделать с террористами, нам надо помогать. Они тоже пытаются удержать направление развития.

По Юго-Восточной Азии у меня всё. По всей логике, эти страны попадают в зону влияния Китая практически неизбежно и со стопроцентной гарантией. Опять же, Вьетнам может быть исключением и только при условии изменения российской политики в этом направлении. Изменение — неправильное слово.

АЧ. Появления российской политики.

СП. Только при условии, что вообще будет какая-то российская политика в этом направлении.

Хоть плохая.

Второй был вопрос по Китаю.

> С Китаем никто не может понять, что происходит.

Я тоже. Мы занимались, в частности, это схема Сергея Шилова, называется «Прогностическая клинопись». Он описывал основные форматы развития, типы развития и смотрел по разным странам, как эти типы складываются во времени. Получается, для Европы основной тип развития — это так называемая триада С С С-1. Два такта развития, такт отката.

АЧ. Два шага вперёд, шаг назад.

СП. Два шага вперёд, шаг назад. Это очень быстрое развитие. Китай всю жизнь работал в варианте «шаг вперёд, шаг назад». Это была страна с циклическим временем. Но на протяжении последних 60 лет у них идут непрерывные такты развития, что вообще не соответствует их истории, их культуре и ни на что не похоже. У меня иногда возникает ощущение, что товарищ Си одним пальцем пытается балансировать линкор, чтобы он никуда не опрокинулся. В общем, у него получается, но Си не вечен.

> Там накапливается ситуация с очень серьёзными противоречиями, как с собственным культурным кодом, так и противоречия чисто формальные: между севером и югом, между побережьем и центральными территориями. И самое главное, между социалистическими идеалами страны — они никуда не делись — и тем, что на востоке создано общество потребления.

Поэтому я не могу понять, что удерживает Китай от тяжелейшего внутреннего кризиса. Понятно, что «удерживает партия, товарищ Си» и т. д. — это всё заклинания. Кончится это когда-то или нет? И когда это кончится? По всем прогнозам обязано закончиться. А дальше идёт общий закон:

> чем дольше оттягивать кризис, тем он обычно страшнее потом оказывается.

АЧ. Здесь опять хочется вспомнить Азимова. То есть буквально товарищ Селдон в самом начале всей эпопеи вылезает и говорит:

> «Вот, у вас тут сейчас развитие, у вас тут мегаимперия, но кризис неизбежен. И чем вы его дальше оттягиваете, тем хуже он будет».

СП. Так и есть. Когда я придумывал социографический анализ, мы и пытались сделать аналог психоистории. Скорее всего, у Азимова были похожие схемы, которыми он пользовался. С этой точки зрения, да, анализ спектрограммы Китая указывает на неизбежность катастрофы. Но факт остаётся фактом. Я эту катастрофу жду с 2012 года. Пока они её очень неплохо оттягивают.

СУ. В этой логике что получается? Это вопрос на понимание. Если традиционный Китай — это

постоянное развитие – спад, то тогда после 60 лет постоянного развития, скорее всего, потом будет цикл такого же спада, чтобы он вернулся на свою традиционную модель.

АЧ. Кстати, они же говорят про «сто лет унижения». Может быть, наоборот, после этого как раз сто лет успеха?

СП. Мне, конечно, хотелось бы надеяться, что китайцы каким-то образом с этой ситуацией справятся. Но всё, что я понимаю по психоистории, говорит, что не могут. Мне здесь сложно сказать. Я должен честно признать, мои прогнозы и реальность, по крайней мере пока, расходятся. В этом смысле Америка ведёт себя гораздо более предсказуемо, чем Китай.

ИК. А что с нашим будущим? А то мы всё Вьетнам, Китай, Америка, Европа.

АЧ. Давайте я конкретизирую. В самом начале нашей СВО мы общались, я даже интервью брал у вас. И там разговор был примерно такой: что СВО — это, типа, как Финская, значит, впереди — Великая Отечественная. И цена вопроса — это как мы Финскую завершим, с каким набором приобретений, потерь. Понятно, что СССР в ней выступил не очень, с трудом. Но это всё фигня, и это всё не главное. А главное, что нам надо готовиться к «Барбароссе».

СП. Во-первых, хочется произнести фразу: так и есть. Во-вторых, говоря об СВО, там же было много сравнений. Есть сравнение с ирано-иракской войной по позиционности и длительности. Есть сравнение с Крымской войной.

АЧ. Ну да, типа, нулевая мировая.

СП. Нулевая мировая. Есть сравнение с Финской войной, поскольку это война за присоединение ранее принадлежавших территорий. Но надо вспомнить, что один из моих любимых авторов-историков как-то сказал, что

> хуже всего для политиков — это знание истории. Они из неё всегда делают неверные выводы.

Можно ведь сказать и в другом языке, что это другая война, и ни на что из этого она не похожа. В принципе, зависит от того, какую мы строим модель, и так и так можно рассуждать.

> С моей точки зрения, российско-украинская война, она же СВО, закончилась в 2023 году. В этот момент было решено, кто выиграл, кто проиграл. Вернее, выразимся по-другому: в этот момент стало понятно, что Украина её проиграла и выиграть её не может ни при каких обстоятельствах.

То, что происходит теперь, вызывает у меня полное непонимание в смысле Украины, просто потому, что с точки зрения военной стратегии, раз уж мы вспоминаем саму стратегию, такого просто не бывает. Надо иметь в виду, что Германия в своей Второй мировой войне, в предельной военной катастрофе, когда страна была полностью оккупирована, потеряла порядка 9% населения. Там всегда вопрос, как считать, потому что часть территории была перемещена. Но в принципе около 9%. И это была предельно тоталитарная война. Потери Украины по населению уже приблизились к двум третям.

АЧ. Парагвайская война.

СП. Таких потерь просто не бывает. Любая страна капитулирует задолго до такого типа цифр потерь.

АЧ. Лопесы держались до последнего, 9 из 10-ти.

СП. Вот это уже что-то напоминающее Сакё Комацу, «Чёрная эмблема Сакуры». Помните этот рассказ?

АЧ. Да-да.

СП. Где описывается продолжение сопротивления Японии в 1947 или 1948 году. Уже сброшена и третья, и четвёртая бомба.

АЧ. Это была мода в своё время на эти японские рассказы. Были же реальные японские [группы], которые на каких-нибудь филиппинских островах до посинения воевали с Америкой в 60-е. Это реальные истории были. У нас действительно была мода на тему Японии, которая продолжает воевать.

СП. В данном случае рассказ-то всё-таки японский сам. И очень хороший, кстати. Я просто к тому, что украинцы недаром используют тему бусификации, вспоминаются тут и бусидо, и всё прочее, и «Яшма вдребезги» как проект, известная всем стратегия — «Пусть вся Япония погибнет до последнего японца». Они сейчас ведут себя по этой стратегии. Ещё раз повторяю, это невозможно анализировать, потому что, с точки зрения военного искусства, так просто не может быть.

Мы давно приходим к выводу, что

> с 2024 года отечественная война уже началась. Мы воюем не с Украиной, мы воюем с объединённой Европой, на наше счастье, при нейтралитете США.

США имеет нейтралитет, возможно, и благоприятный для Европы, но это всё-таки нейтралитет. Европа — это чётко воюющая страна. При этом мы всё-таки стараемся как-то делать вид, что это не так, поэтому, хотя иногда дроны на их территории падают, но в меньшем количестве, чем должны были. Я понимаю обе стороны.

> Европейцы так много поставили на поражение России, что сейчас им просто не отыграть назад, ни в смысле психологии, ни в смысле политики, ни в смысле самой экономики.

АЧ. Тупо экономики. Я, кстати, считал: они потратили на то, чтобы нас унасекомить, примерно в пять раз больше, чем мы, на всю нашу войну.

СП. И это тема вопроса, у кого сейчас хуже с управлением. При том, что оно у нас, мягко выражаясь, не идеальное.

АЧ. Не идеальное.

СП. Но когда смотришь на это…

> Они отступить, вроде, в этой ситуации особенно не могут, но и начать войну всерьёз они тоже не могут.

Причём тому есть две основные причины. Первая, самая существенная: до них постепенно доходит, что революцию в военном деле они пропустили. Уже украинцы, наблюдая их манёвры, говорят: «Ребята, вы что, с ума сошли? Ни одна из ваших частей на поле боя не просуществует больше 30 минут». О какой обороне Сувалкского коридора может идти речь? Его никто не будет брать. Он целиком простреливается дронами с любой территории. Там просто будет невозможно никакое перемещение ни войск, ничего другого.

АЧ. Ни грузов.

СП. И готовиться к новой войне им особенно нечем, в том плане, что проблемы с энергетикой, проблемы с внутренней политикой.

АЧ. И микроэлектроникой.

СП. Просто тот факт, что

> они сделали одну из самых простых военных ошибок — уничтожение накопленного военного снаряжения на плацдарме, выдвинутом на территорию в сторону противника, причём это снаряжение ещё и передавалось пакетами.

Отсюда я не вижу, чем они могут наступать. Просто не вижу физически. Да, они могут объявить о том, что они будут атаковать Калининград. И они его, конечно, возьмут, если будут атаковать. Но обмен Калининграда на всю Прибалтику и Финляндию им не кажется очень позитивным фактором войны. И отсюда получается, что война идёт по-другому, война с Европой. И именно, скорее, по сценарию Крымской позиционной, чем по сценарию Второй мировой. В общем, я не жду танковую группу Гудериана под Москвой, но вполне могу ожидать какие-то проблемы на восточной границе и в Белоруссии.

Я бы вот так ответил: война, о которой мы говорили тогда, сейчас идёт. С 2024-го она идёт, с 2026-го она становится уже очень серьёзной и крайне опасной для обеих сторон.

АЧ. Украинскую войну Украина проиграла после провала запорожского контрнаступа.

СП. Это был единственный шанс на успех. Причём даже не последний, а единственный. Она его потеряла. Сокращение населения идёт по-прежнему линейно. Причём, кто смотрел, это совершенно нормальный линейный график, как падает население. Россия после ударов по НПЗ немножко, наконец, «озверела» (в хорошем смысле этого слова) и начала реальные удары по мостам, логистике и трансформаторам.

АЧ. И дата-центрам.

СП. И дата-центрам, но хуже всего — трансформаторы. Базовая проблема — это старые советские трансформаторы. Всё, что могли поставить Украине из Литвы, Латвии, Эстонии, уже давно поставили. Больше их нигде нет. Европа их не делает. Это другой совершенно стандарт. Переделывать энергоснабжение во время войны на европейский стандарт Украине просто ничем и некем. Правильно же говорят, что целью войны является мир, лучше довоенного.

> Украина довоевалась до того, что даже если война кончится прямо завтра, восстановление уровня жизни при Януковиче потребует 50 лет.

Я не спрашиваю, где они на это собираются брать деньги, людей, материалы. Просто даже чисто формально всё это надо будет строить 50 лет.

СУ. Внутреннего рынка не будет, такого количества людей не будет. Уровень жизни-то был за счёт того, что был достаточно объёмный рынок.

СП. Кстати, очень скоро Европа перейдёт на логику: «А как бы теперь этот непрофильный актив сбросить в Россию?».

ИК. Скорее всего.

СП. Потому что

> Украина из великой державы — а у неё был момент, когда она была великой, хотя бы восточноевропейской региональной державой — сейчас стала непрофильным активом, который никто не хочет удерживать.

Тем более что её недра спокойно и тихо взял товарищ Трамп на дальнейшую разработку. И с ним из-за украинских полезных ископаемых никто воевать не будет.

ИК. Это правда.

СП. Но всё это ещё и не выгодно.

СУ. Я более усилю. С моей точки зрения,

> Запад воспринимает СВО именно как сброс постУкраины России.

Их интерес именно в этом, потому что у нас нет никакого способа, кроме как взять под контроль всю территорию (прямо или косвенно, это мы сейчас не обсуждаем), и в этом их цели заключаются.

СП.

> Изначально Запад предполагал, наконец, получить то, о чём он мечтал достаточно большой кусок своей истории, а именно — нормальный распад России на небольшие страны.

Мне ужасно понравилась фраза:

> «Это было бы стратегически правильно и к тому же отвечает принципам гуманности и справедливости».

Хорошо звучит. Первоначально цель ставилась такая.

> А дальше — чисто формально эксплуатация ресурсов каждой из этих маленьких стран по отдельности.

> Когда стало понятно, что это плохо и не получается, тогда возникла вторая логика — использовать украинские ресурсы. Но Украина сейчас в долгах, как в шелках. Понятно, что отдавать ей их не с чего, кроме как с русских репараций. А пока шансы на получение русских репараций выглядят не очень перспективно для Украины. И в этой ситуации остаётся только сбрасывать актив, потому что у Европы нет сейчас ресурсов и денег, чтобы его снова обустраивать.

Ещё раз замечу, что умный Трамп в этой ситуации получил свой контрольный пакет над наиболее вкусными месторождениями этой территории. И с этой точки зрения даже на уровне лития: литий украинский, как и уран украинский, совершенно не нужен Трампу. У него канадский уран и боливийский литий, которые ближе, доступнее и удобнее. А вот что не получит ни того, ни другого Европа — это очень даже полезно и интересно. Поэтому я думаю, что там будут блокироваться все попытки добычи этих ископаемых самим же Трампом, никому их не дадут.

> Европе сейчас Украину на баланс просто не взять. Но и закончить войну не удаётся.

Я помню, для меня был момент понимания того, что такое по-настоящему страшная ситуация, когда я читал записку Бонч-Бруевича о кампании 1915 года.

АЧ. Генерала Бонч-Бруевича.

СП. Генерала. Ещё до начала Горлицкого наступления он написал следующее:

> «Поскольку у нас не хватает и артиллерии, и снарядов, наступать мы не можем. А поскольку линия фронта очень длинная и связанность между её участками небольшая, обороняться в случае серьёзного наступления противника мы не можем тоже. Каковы ваши предложения? Да нет у меня предложений».

Европа оказалась в той же самой ситуации: они не могут ни прекратить войну, ни продолжать её. И это ситуация по-настоящему трагическая. На что они надеются? На Жанну д’Арк, я думаю. Кто-то же должен спасти Францию в этот момент? Я, кстати, не шучу. Потому что ситуация там действительно становится очень интересной. Если говорить о прогнозе, у Европы два сценария:

- Либо она каким-то образом выигрывает эту войну. Это не спасает её, но продлевает агонию.
- Либо она войну проигрывает. Причём в этом случае Россия может подчеркнуть этот проигрыш.

ИК. Братцы, опять мы ушли надолго в Европу. Всё-таки, будущее России.

СП. Первое. Есть же моменты, которые сценарно-инвариантны, то есть они не зависят от того, какой вы выбираете сценарий. Это как раз по Бжезинскому, «Вы не знаете Россию так, как мы знаем её, поляки». И уж тем более как мы её сами знаем.

Что неизбежно для России?

- Для России неизбежна централизация и монархизм. Никуда не денешься, она такой была всегда и будет такой оставаться.
- Для России неизбежна экспансия. А поскольку экспансию вести ей особенно некуда, получается, что у неё нет альтернативы космосу.

Мне искренне жаль, что сейчас этого не понимает руководство, что этого не понимает Роскосмос в значительной мере, как не понимал, например, Брежнев, что будущее России решалось не на уровне повышения качества жизни населения (при нём это делалось, в 70-е, и даже неплохо), а на уровне превосходства в космосе. Рано или поздно это понимание придёт, потому что вариантов здесь нет. Как я уже говорил, если вас есть один вариант, вы его рано или поздно находите, хотя бы методом исключения. Поэтому космос.

- И следующий очень важный момент. Есть у нас такое понятие в группе — когнитивный код.

Культурный код есть у всех выживших государств. Я всегда говорю: вам может не нравиться чей-то код, но для этой нации он, безусловно, лучший из возможных.

> Когнитивный код — это самостоятельный способ решения массовых когнитивных задач.

То есть именно самостоятельный: вы их решаете по-другому, чем их решают другие. У вас есть свой способ. Я как-то описал, по-моему, 14 пунктов (я их не считал), по которым можно выяснить, что у страны есть собственный когнитивный код. Но прежде всего это наличие научного чуда света — то есть такого достижения, которое нельзя ни забыть, ни замолчать. Это наличие собственных научных дисциплин, которые именно в этой стране возникли и в ней существуют. Между прочим, это наличие научной фантастики на языке этой страны и это наличие собственной интерпретации квантовой механики. Но я говорю, там всего 14 пунктов.

Россия, как ни странно, попадает по всем пунктам в страны, у которых свой собственный когнитивный код. К чему это приводит? Когнитивный код России чрезвычайно необычен. Дело в том, что почти все страны имеют изводы английского кода. Англия первой создала когнитивный код при Бэконе. И английский код получили все, в том числе и Россия. Большинство так и осталось в версии английского кода. И Россия бы осталась тоже, если бы, как ни странно, не марксизм.

АЧ. Немецкий.

СП. В большей степени, наверное, даже французский, но не так важно, от кого мы его получили, потому что интересовать нас будет не Франция, не Германия, не Англия, а, как ни странно, Греция. Суть проблемы в том, что английский культурный код построен на логике Аристотеля.

АЧ. А у нас Платон.

СП. Русский код православный построен на логике Платона и неоплатоников. Скорее Платона, Плотина, Флоренского. Между ними жёсткое противоречие. Поэтому на уровне XIX века для учёного поп — это полный идиот. А учёный для попа — человек, который совершенно не понимает людей, человечности, да и вообще смысла жизни. И в этот момент приходит марксизм. Марксизм — диалектика. Диалектика — это Сократ.

И неожиданно в России складывается целиком баланс трёх базовых направлений мировой философии, мировой европейской. Потому что у Китая немножко своя игра, у Индии тоже. Но в рамках огромного количества народов и стран это баланс. Его нет у Запада, но у них есть свой первородный код, в частности в Англии. Его нет у Востока. Его получила Россия, и как ни странно, от России в значительной мере получила Польша. У Польши получилась своя версия самостоятельного кода за счёт наличия православной, католической и протестантской составляющей. В этом смысле Польшу удачно делили, дали им эту возможность тоже сделать такое странное объединение.

Так вот, ответ на ваш вопрос. Развитие России — это развитие её когнитивного кода. Развитие когнитивного кода России мы, прежде всего как группа, связываем с новой когнитивной парадигмой. Слово «новая» здесь имеется в виду по отношению к бэконовской. Там можно объяснить, какая она, но это длинный разговор, совершенно отдельный. Важно, что это попытка построить новый механизм, принципиально новый механизм получения знания. Эту задачу сейчас никто из наших, ни союзников, ни противников не строит. Были бы шансы у Китая. Но Китай принял решение какое-то время следовать западным интеллектуальным традициям. Причём они прямо сказали, что «у нас будет период ученичества. Вот мы его сейчас заканчиваем». Но пока они ещё закончили, пока они не поймут, как это суммируется.

АЧ. Как это перевести, наконец, на китайский всерьёз.

СП. А в этой культуре будет суммироваться буддизм, конфуцианство и западное представление науки. Это очень сложное действие, требующее тоже определённого времени. У нас же эта работа идёт.

А Запад сделал ещё одну серьёзную ошибку, очень серьёзную — исключение русских из научных структур мировых. Это сразу поставило нас вне консенсусов. Часть людей пришла в ужас, а часть людей говорит: «Слава богу, теперь мы можем ни на что не оглядываться». Нас ставят в положение, где мы ни на что не оглядываемся. И да, есть шансы, что на этом мы выиграем. Есть, конечно, шанс, что проиграем.

АЧ. Слушайте, вот здесь хочется уточнения. Я какое-то время назад неожиданно для себя даже, в первую очередь, поддержал Дугина с его идеей начать переписывание законов с законов Ньютона, потому что, понятно, что всю эту школьную физику придумали специально злые люди-англичане, чтобы русских людей обижать. Я с этим категорически согласен был всегда, но не понимал, как именно. То есть с чего начать? Что F1 не равно минус F2?

СП. Вы хотите спросить, с чего начать?

АЧ. В Бэкона. Вы мне уже говорите: с Бэкона, то есть с парадигмы научного знания — опыт, эксперимент.

СП. Всё очень интересно. Что такое законы Ньютона? Первый закон Ньютона… Во-первых, не забудьте, есть нулевой закон Ньютона.

ИК. Это какой?

СП. Вездесущее Божие влияние на движение небесных тел не оказывает. Это важно и существенно.

АЧ. Бога нет во Вселенной.

СП. Бога нет в наблюдаемой Вселенной. Он вообще-то был теологом очень приличным.

АЧ. Я помню, конечно, ариане ещё до кучи. Он же целую книжку написал, почему Арий был прав, а классические отцы церкви ошибались.

ИК. Братцы, я смотрю на часы. У нас нет времени углубляться в арианство.

СП. Не будем выходить в арианство, хотя оно интересно.

ИК. А уже осталось две минуты, чтобы подвести итог.

СП. Две минуты. Если вернуться к вашему вопросу.

Итак, нулевой закон известен.

- Первый закон говорит о том, что движение и покой относительны. Говоря совсем другим языком, если на тело не действует сила, то в инерциальных системах отсчёта оно сохраняет равномерность и прямолинейность движения. Это философия движения. Она, конечно, ньютоновская, но в целом, например, появилась уже у Галилея.
- Второй закон — это фактически отрицание первого. А если на тело действует сила, то оно двигается ускоренно, а не равномерно. И в этом смысле тоже всё понятно.
- Третий закон — это, по сути, сохранение импульса.

Но когда мы говорим о сохранении энергии, импульса, момента импульса, мы, безусловно, приходим к теореме Нётер. А Эмми Нётер говорила, что любой закон сохранения связан с моментом импульса, с изотропностью пространства и энергии — с однородностью времени. А это означает, что, например, вблизи ранних стадий эволюции Вселенной, когда у вас не было введено…

АЧ. Супергравитация.

СП. Нет, не в этом дело. Что такое время? Время — это либо повторяющиеся события, по Ньютону. Неважно, вращение Земли или распад атома криптона.

АЧ. Движение стрелки.

СП. Либо нарастание энтропии. Но в момент Большого взрыва у вас нет ни Земли, которая вращается, ни атома криптона. И вы вообще не можете ввести понятие времени.

ИК. Да, его и не было.

СП. А если вы не можете ввести понятие времени, вы не можете говорить, что оно однородно, а тем самым вы не можете говорить, что энергия сохраняется. Это ответ на вопрос об отмене законов Ньютона. Это можно делать даже в логике самих этих законов. И Россия это умеет.

Теперь возвращаюсь к вашему вопросу. Сильно упрощая, поскольку у нас уже время на формулы.

Будущее России:

1. космос,
2. новая когнитивная парадигма,
3. новая система расселения, в том числе связанная с будущим расселением в космосе (не настоящим, не сегодняшним, но довольно близких эпох).

И вот это три основные момента, которые здесь есть. При этом я ничего не говорю относительно самодержавия, православия и народности, поскольку эти три момента формулы Уварова тоже никуда деться не могут. Православие имеет огромную историческую память в России. Самодержавие — необходимое условие её экспансии. А народность связана с тем, что Россия — империя не римского и не персидского, а византийского типа, где симфония между властью и народом необходима.

И, между прочим, великолепно это оценил Зиновьев, тот, который «Зияющие высоты» и «Гомо советикус». Он говорит:

> «Запад полагает, что мы в руках правительства. Это чистая правда. Но оно никак не хочет понять, что правительство точно так же в наших руках. И это другая, такая же чистая, правда».

Вот такую Россию мы и будем видеть. Вопрос, будет ли реализован мир Полудня, я отвечу следующим образом. Можно существовать с моим детством, моей юностью, а можно и просто с нормальной аналитикой. Мы имеем либо мир Полудня, в том или ином варианте. Ещё раз подчёркиваю, мир Полудня — индустриальная фантастика предыдущей эпохи. Сейчас мир Полудня другой, он будет в принципе другим и выглядеть по-другому. Но многие родовые элементы останутся теми же. В частности, это общество с низкой социальной энтропией. Это общество, в котором трудиться интереснее, чем получать результаты труда.

Это очень важный момент. Что давал социализм? Труд сам по себе был наградой. Да, было приятно получить за него вознаграждение, но награда от результата была более важна, чем получение вознаграждения. Только в Союзе работала такая ситуация. Есть один из самых интересных социальных экспериментов, которые когда-либо были поставлены. Причём удивительно, что его поставили абсолютно случайно. Его никто не хотел ставить. Какая-то девочка исследовала математические способности детей, чтобы они решали задачки, а чтобы они решали лучше, она предложила победителям шоколадные конфеты. А тогда, по тому времени, хорошую шоколадную конфету было не достать. На самом деле это была проблема. Дети решали. Получила она какие-то результаты, а девочка-то была добрая. И у неё остались конфеты. И когда конкурс закончился, она тем, кто не решил задачи, их тоже предложила. Был феномен горькой конфеты. Так это и называется. Те, кто не решил задачи, сказали, что конфета горькая. Я утверждаю, что будущее есть только у всех стран, у которых в этом случае конфета горькая. Если она им кажется сладкой, у этой страны нет будущего. Вот это принципиальный мой ответ по этому вопросу.

ИК. Классно. Огромное спасибо, Сергей Борисович. Это действительно была увлекательнейшая, очень интересная, очень познавательная беседа.

Сергей Переслегин, писатель, литературный критик, прогностик, был сегодня у нас в гостях. Друзья, спасибо, что смотрели «Чистоту понимания». Ждём от вас лбязательно лайк этому выпуску. Как обычно, мы выходим в VK, в RuTube, в Youtube.

Наши ведущие: Алексей Чадаев, политолог, журналист; Семён Уралов, политолог, журналист, писатель. Увидимся.

Словарь когнитивных войн
Телеграм-канал Семёна Уралова
КВойны и весь архив Уралова
Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда
Бот-измеритель КВойны
Правда Григория Кваснюка